

В.Н. Перетц

**Очерки по истории поэтического стиля в
России**

V-VIII

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.Н. Перетц**
Очерки по истории поэтического стиля в России: V-VIII / В.Н. Перетц – М.: Книга по Требованию, 2019. – 64 с.

ISBN 978-5-458-00762-7

ISBN 978-5-458-00762-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

honor oddana“—имѣвшая три изданія. Здѣсь мы встрѣчаемъ то, что для насъ при изслѣдованіи русскаго подражательнаго романа представляетъ наибольшій интересъ: *любовныя* письма дѣйствующихъ лицъ изложены въ этомъ романѣ *въ стихахъ* ¹⁾.

Нити культурныхъ отношеній связываютъ польскую литературу съ итальянской и французской. Она, въ свою очередь, является передатчицей европейской литературной манеры—и для русскихъ. Вотъ почему считаемъ не лишнимъ собрать для освѣщенія явленій въ области русскаго романа и его стиля—нѣсколько данныхъ изъ французской лирической и романической литературы ²⁾. Они освѣтятъ намъ вопросъ о возникновеніи въ русской литературѣ приемовъ сентиментальнаго стиля.

Уже Петрарка, усвоивъ приемы любовной лирики провансальцевъ, ея риторику и условное провансальское пониманіе любви ³⁾, слилъ все это съ отзвуками римской лирики, съ тѣми настроеніями, которыя звучали въ поэзіи умиравшаго античнаго міра. У него звучитъ уже отдающее самолюбованьемъ „неотвязчивое наслажденіе гореваніемъ“ („doloribus pascor“ ..., „dolendi voluptas quaedam“); онъ мирно сочетаетъ Олимпъ и Голгофу; фразеологія его уже сформировалась и даетъ рядъ характерныхъ формулъ, передаваемыхъ отъ поэта къ поэту: любовь—пламя, зажженное прелестными очами; Амуръ—властная сила, берущая въ плѣнъ влюбленнаго; на глаза Лауры положили свое искусство звѣзды, небо, стихіи; нѣтъ столько звѣрей, птицъ, злаковъ, звѣздъ, птицъ—сколько вечеромъ тѣснится вздоховъ у поэта; милая поражена въ сердце, сердце плачетъ; очи полныя тихаго пламени, изъ которыхъ мечетъ стрѣлы Амуръ; онъ порхаётъ, обновляя старую рану поэта; поэтъ загорается зараженный любовью; поэтъ хочетъ умереть, его радость обратилась въ печаль, все пріятное въ жизни отнято, солнце потускнѣло и т. д. ⁴⁾. При этомъ, какъ замѣчено ак. Веселовскимъ, уже „въ любовной лирикѣ Петрарки есть кое что напускное“... ⁵⁾.

Это „напускное“ гораздо замѣтнѣе у его позднихъ послѣдователей,

¹⁾ *Brückner*, op. cit., 277.

²⁾ Выражаю искреннюю благодарность моему товарищу, гр. Ф. Г. де-Ла-Бартъ, подѣлившемуся со мною своими матеріалами.

³⁾ *А. Веселовскій*, Петрарка въ поэтической исповѣди *canzoniere*, 1905, стр. 6.

⁴⁾ *А. Веселовскій*, op. cit. 12, 13, 18, 48, 74, 85, 87.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 16.

особенно французовъ, стиль которыхъ, порою поражаетъ своей придуманной манерностью, повторяя впрочемъ главные образы завѣщанные Петраркой; минуя Malleville'a (1597—1647) и др., остановимся преимущественно на романистахъ и авторахъ чувствительныхъ пасторалей ¹⁾).

Условная чувствительность второй половины XVII вѣка съ ея вычурностью нашли себѣ характерное выражение въ „La chambre de Justice de l'Amour“ г-жи de Villedieu (1668): учреждается „une chambre ardente“ „pour connoître «des abus et malversations», commis en galanterie“; типиченъ слѣдующій эдиктъ—„Fait au Conseil d'Etat tenu en notre Cour de Cythère au plus beau de nos jours, l'an sept ou huit mille selon le calendrier amoureux, et de notre règne le je ne sais combien. Signé L'Amour. Et plus bas La Nature“. Характеризуя книгу г-жи de Villedieu, „Amours des grands Hommes“, Maigron говоритъ: „Socrate, Jules César, Bussy d'Amboise, Alcibiade ne pensent qu'à leurs maîtresses, n'expédient ou ne reçoivent que billets galants, ne tiennent que doucereux et fades propos. Solon même, ce grave et sage Solon, au lieu de rediger sa «Constitution» passe son temps à écrire des «Maximes amoureuses». Un jour qu'il s'entretient avec Thalès, on lui remet un billet: „Solon fit un cry de joye à la lecture de cette lettre, et baisant avec transport le nom si chery de son Orgine, il mit Thalès dans un etonnement, qui ne se peut exprimer“ ²⁾).

При понятіяхъ эпохи, допустившихъ подобнаго рода трактовку частной жизни законодателей и философовъ, неудивительно еще болѣе опредѣленное стремленіе къ галантности въ псевдо-историческихъ и чисто фантастическихъ романахъ.

Въ романѣ „Lygdamon et Lydias ou la Ressemblance“, принадлежащемъ перу Georges de Scudéry, находимъ, напримѣръ, такую бесѣду, выражающую откровенно тонкія чувства героя:

Silvie.

Il est vrai, j'admiraïs la hauteur de ces bois.

Lygdamon.

Admirez mon amour, plus grande mille fois.

¹⁾ См. Koerting, Geschichte des französischen Romans im XVII Jh., 1-te vermehrte Ausgabe I B. 1891; Le Bréton, Le roman au XVII siècle 1890; Louis Maigron, Le roman historique à l'époque romantique, etc.

²⁾ Maigron, p. 25.

Silvie.

Que le bruit de cette onde a d'agréables charmes.

Lygdamon.

Pouvez-vous voir de l'eau sans penser à mes larmes?

Silvie.

Je cherche dans ce prés la fraîcheur des zéphirs.

Lygdamon.

Vous devez ce plaisir au vent de mes soupirs, etc.

Для характеристики этого стиля въ французской поэзии XVII в. позволяемъ себѣ привести еще два примѣра.

Первый изъ нихъ—мадригалъ аббата Cotin:

„Tout cède à sa belle présence
Et, de peur que rien ne l'offense,
Le soleil éteint son flambeau
Il va se retirer sous l'onde,
Et laisse à cet astre plus beau
La charge d'éclairer le monde“¹⁾.

Второй образецъ, еще болѣе характерный и имѣющій отношеніе къ фразеологій польской и старинной русской любовной лирики— „Sonnet à Uranie“ Voiture'a; его мы приведемъ полностью, такъ онъ характеренъ:

„Il faut finir mes jours en l'amour d'Uranie,
L'absence ni le temps ne m'en sauroient guérir;
Et je ne vois plus rien qui pût me secourir,
Ni qui sût rappeler ma liberté bannie.
Dès longtemps je connois sa rigueur infinie:
Mais, pensant aux beautés, pour qui je dois périr,
Je bénis mon martyre, et, content de mourir,
Je n'ose murmurer contre sa tyrannie.
Quelquefois ma raison, par de foibles discours
M'invite à la révolte et me promet secours;
Mais lorsqu'à mon besoin je me veux servir d'elle,
Après beaucoup de peine et d'efforts impuissants,
Elle dit qu' Uranie est seule aimable et belle,
Et m'y rengage plus que ne font tous mes sens“²⁾.

¹⁾ *Léo Claretie*, Histoire de la littérature franç., t. II, p. 83.

²⁾ Этотъ сентиментальный любовный жаргонъ XVII столѣтія, описанный Молиère'омъ (Les précieuses ridicules), въ наши дни мастерски воспроизведенъ Э. Ростаномъ въ известной пьесѣ „Cyrano de Bergerac“, напр., „prendre un rhume de coeur“ Acte I, s. 2; затѣмъ также Acte II, s. 3; III, s. 1; III, 6; *Roxane*. „Je vous parle

Обращаемся къ романамъ. Первые попытки французскаго романа сформироваться въ самостоятельный жанръ относятся въ первой трети XVII ст. Окончательно онъ получаетъ права гражданства лишь съ появленія второй части *Gil Blas*'а (1715). До этого—много смутныхъ исканій: пасторали, „*Astrée*“, „*Carithée*“, экзотическіе романы въ родѣ „*Polexandre*“, фантастическій романъ—„*Argane*“ (1632). Но масса романовъ—относятся къ числу псевдоисторическихъ: „*Cassandre*“ (1642), „*Cléopâtre*“ (1648), „*Artamène ou le grand Cyrus*“ (1649), „*Clélie*“ (1656—60), „*Faramond*“ (1661) ¹⁾ и т. п.

Несмотря на то, что сюжеты романовъ—по преимуществу историческіе и экзотическіе, эти романы проникнуты условной салонной чувствительностью, въ ущербъ колориту мѣста и времени: „*Alexandre et Cyrus, Brutus et Constance jargonnet à l'envi en d'interminables conversations de métaphysique sentimentale, comme les habitués des samedi de m-elle de Scudéry*“ ²⁾.

Въ „*La Clélie*“ de Scudéry Люкреція цитируетъ, напริมѣръ, такое двустишіе поэта Фосилида:

„Qu'il serait doux d'aimer, si l'on aimait toujours!
Mais, hélas! Il n'est pas d'éternelles amours“.

На это Брутъ отвѣчаетъ:

„Permettez moi d'aimer, merveille de nos jours,
Et vous verrez qu'il est d'éternelles amours“.

И Брутъ, повидимому, принадлежитъ къ галантнымъ петраркистамъ; онъ пишетъ своей возлюбленной:

„Quand verrai-je ce que j'adore
Eclairer ces aimables lieux?
O doux moment, ô moments précieux,
Ne reviendrez vous point encore?“

Въ *Faramond*'ѣ *La Calprenède*'а герой такъ повѣствуетъ Констанцію свою исторію: какъ всѣ чувствительные люди, онъ „гонимъ рокомъ“:

„Ceux qui connoissent la Fortune ou par l'opinion générale ou par les desmeslez, qu'ils ont eus avec elle demeurent presque tous d'accord qu'elle est ennemie de la Vertu, et que si par l'effet de son inconstance

en effet d'une vraie altitude!“ *Cyrano*. „Certes, et vous me tueriez, si de cette hauteur Vous me laissiez tomber un mot dur sur le coeur“ etc.

¹⁾ См. „Bibliothèque des Romans“ (1734) *Gordon de Perce*'а.

²⁾ *Maigron*, op. cit., p. 13.

ordinaire, elle a fait quelque fois du mal à des hommes de peu de valeur, elle s'est, presque toujours attachée avec une obstination particulière à la persécution des personnes vertueuses" ¹⁾).

Отвѣчаемъ, далѣе, выраженія, которыя намъ будутъ не бесполезны при анализѣ русскихъ романовъ. На свою возлюбленную героиню романа La Calprenède'a — „ne la peut regarder sans esblouissement" ²⁾; онъ постоянно „souple en regardant le quartier de son *implacable ennemy*"... „Ah, dit-il avec une action, toute languissante, voilà le séjour de la cruauté; c'est en ce lieu que la pitié ne peut point trouver d'entrée et c'est en ce lieu qu'on donne des ordres sanglans contre *ma vie infortunée*, tandis que j'adore d'un coeur religieux la belle bouche qui les prononce". Il s'arresta quelques momens à ces premières paroles et peu après s'ostant de la fenestre et se promenant lentement dans sa chambre: „Mais pourquoy, ajouta-t-il Amant déplorable, Amant désespéré! pourquoy deffens-tu avec tant de peine et avec tant de sang une vie que tu ne peux ny ne dois aymer, puisqu'elle est détestée de ton impitoyable Rosemonde?... Ah, Faramond, désolé Faramond, cesse de t'opposer davantage au courroux du ciel et à la volonté de ta souveraine! Puisqu'elle veut que tu meures, *meurs pour lui plaire*" ³⁾).

Герои и героини романа обмѣниваются записками, очень типичными; вотъ образецъ: „Ce ne sont pas les gardes de Gondioch, qui me deffendent l'accès de votre personne, et je franchirais possible de plus grandes difficultés sous la conduite d'un Dieu qui m'ouvreroit tous les passages, si le malheur, que j'ay de vous estre odieux avec raison me permettoit de paroître encore une fois devant vos yeux irritez" ³⁾).

Женщины пишутъ bout-rimés, въ родѣ слѣдующаго:

„Je n'ay pas le coeur insensible,
Mais je me rends mal-aisément",—

пишетъ Плаидія, на что Виргинія отвѣчаетъ:

„On pourroit vous vaincre en ayant,
Si vous n'étiez pas invincible".

Маркомиръ подъ окномъ Альбизинды поетъ такія строфы, характерныя для влюбленнаго героя интересующаго насъ романа:

¹⁾ Faramond, II, 13.

²⁾ Faramond, I, 50.

³⁾ Faram., II, 323; ср. I, 234, 239.

„L' Astre du jour, en reposant sous l'onde,
Dérobe sa lumière au monde;
Mais il laisse aux humains le repos et la Paix.
Et le bel Astre que j'adore
Dans les bras du sommeil me fait la guerre encore
Et jouyt d'un repos qu'il ne donne jamais.
De mes tourmens l'aimable violence
Me fait troubler ce beau silence,
Que le bruit des Zephirs n'interrompt qu'à regret;
Pardonnez-moi, belle Climène,
A la clarté du jour je veux cacher ma peine,
Et la nuit seulement doit sçavoir mon secret“¹⁾.

Не менѣе типичны „Mémoires secrets de la Cour de Charles VII Roy de France“ m-me Durand. Отмѣтимъ здѣсь также нѣсколько мѣстъ, роднящихъ манеру русскаго романа петровской эпохи съ сентиментальною манерою французовъ. Здѣсь Бодрикуръ, на примѣръ, держитъ такія рѣчи Жаннѣ д'Аркъ: „C'est à vous que j'adresse mes vœux, *vous seule pouvez donner remède aux maux que je souffre*“²⁾, permettez que je ne me relève point que je ne scache de votre bouche le sort que je dois attendre“. Когда она приходитъ къ своему стаду: „une voix seule, *accompagnée d'un luth chanta les paroles*“³⁾, que je vais vous dire:

Dormez, adorable Bergère,
Fermez ces yeux qui causent tous mes maux.
Je ne veux point troubler leur tranquile repos,
Et tout plein de désirs sans être téméraire,
Un seul de vos regards, un seul mot moins severe
Récompenseront mes travaux“.

Когда на слѣдующее утро Бодрикуръ встрѣчаетъ Жанну, онъ бросается къ ея ногамъ и говоритъ ей: „*Tuez-moi*“⁴⁾ avec le fer de votre houlète, ce fer qui vous à tant fait vaincre de loups, ils n'en veulent qu'à vos troupeaux ces loups, et moi, j'en veux à vôtre coeur; si c'est une témérité impardonable, hâtez-vous de m'ôter la vie, *je ne cesserai jamais de vous aimer*“.

Въ приведенныхъ выпискахъ—въ общемъ тѣ же приемы выраженія

¹⁾ Н. Koerting, Geschichte des französischen Romans, I, В., 1891, s. 377.

²⁾ Ср. Синовскій, Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 131, 135, 137, 147 и др. ниже, о чемъ подробнѣе—особо.

³⁾ Ср. Русскія повѣсти, 126 (арфа), 130 (флейта).

⁴⁾ Ср. Русскія повѣсти, 151.

любовныхъ чувствъ, которые были отмѣчены нами выше, при анализѣ первыхъ опытовъ русской любовной лирики; хотя, конечно, русскіе стихотворцы далеко не могли угнаться за своими образцами, за ихъ легкостью и граціей. Не все, чѣмъ богатъ *style grécieux*, нашло себѣ примѣненіе въ русской повѣсти и романѣ. А если кое что и нашло себѣ отраженіе, то оно похоже на отраженіе въ кривомъ зеркалѣ. Этому шло на помощь еще одно обстоятельство, котораго нельзя упускать изъ виду, изслѣдуя русскую беллетристику XVII—XVIII в.: часто непосредственнымъ источникомъ для знакомства русскихъ читателей съ романами, выше характеризованнаго типа, была не итальянская и не французская, а пожалуй—не всегда и нѣмецкая литература; и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, гдѣ сказалось культурное воздѣйствіе Запада на Россію—должна была неизбѣжно сыграть замѣтную роль Польша и польская литература—первая изъ литературъ восточной Европы, вступившая въ тѣсное общеніе съ западомъ. И здѣсь, вѣроятно, формулы чувствительности приобрѣли уже долю оригинальности, отклонились нѣсколько отъ французскихъ и итальянскихъ своихъ оригиналовъ; при переходѣ же ихъ въ Россію—онѣ еще болѣе видоизмѣнились и оскудѣли *количественно*: многое вѣдь изъ французской галантности было совершенно непонятно въ Россіи (вспомнимъ, хотя бы, переводы Мольера XVII—XVIII в.). Сохранились и упрочились, главнымъ образомъ, тѣ формулы и положенія, которыя и во французскомъ романѣ были болѣе устойчивы.

VI.

Жизнь русскаго общества конца XVII и начала XVIII вѣка отливала въ новыя формы. Лирика ясно показала это. Аналогичное явленіе должно было сказаться и въ романѣ и повѣсти. До-петровскую повѣсть мы знаемъ: она мало занимается изображеніемъ деталей любовныхъ чувствованій. Очевидно, что эти новыя деликатныя чувствованія, облеченныя по требованію жизни въ литературныя формы, и такъ обильно выражаемыя героями романовъ, нуждались въ новой, особой формѣ для своего выраженія, въ новой поэтикѣ. Это мы видимъ—въ русскихъ романахъ той эпохи, которая, оставивъ подражаніе жизни и фацеціямъ—воспользовалась примѣромъ и руководствомъ иностранныхъ законодателей хорошаго вкуса. Этими законодателями въ области литературной были одни и тѣ же авторы и для польской, и для русской литературы, а наиболѣе вѣроятно—русскіе романы на-

чала XVIII вѣка сложились подѣ воздействиемъ польскихъ, уже ранѣе усвоившихъ себѣ приемы разсказа и любовную фразеологию изъ романовъ французскихъ.

Переводный чувствительный романъ, надо думать, является въ русской литературѣ еще въ началѣ эпохи Петра Великаго, въ концѣ XVII вѣка. Въ этомъ романѣ среди занимательныхъ, часто невѣроятныхъ приключеній—наслѣдіе рыцарскаго романа — увлекающихъ воображеніе читателя, выступаютъ герой и героиня съ новымъ девизомъ: жизнь для любви, для чувства. Это—не суровый герой старинной полуаскетической русской повѣсти, готовый заплатить годами монашескаго подвига за часы чувственныхъ увлеченій. Это—галантный кавалеръ, сдѣлавшій своимъ любимымъ занятіемъ „науку страсти нѣжной“, и самъ отличающійся, до крайней слезливости, нѣжностью сердца. Когда Василій Коріотскій открылъ запрещенный чуланъ — „видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать невозможно. И какъ увидѣ Василей, *паде отъ ея лпноты на землю*, яко Лодвикъ королевичъ рахлинскій, токмо не такъ, какъ Лодвикъ, себя отягчилъ любовію сильною и въ болѣзнь впаде“, Василій ведетъ объясненіе съ красавицей „вставъ на колѣнки“; выслушавъ его объясненіе, королева также „паде на колѣнки и нача его цѣловать любезно...“ ¹⁾.

Въ русскихъ романахъ этой эпохи узнаваніе по пѣнію условно извѣстныхъ двумъ маршей, арій и объясненія въ стихахъ — вещь довольно обычная. Въ „гисторіи о шляхтичѣ Долторнѣ“, когда коварный адмиралъ везетъ къ вѣнцу прекрасную принцессу Элеонору, Долторнѣ хватаетъ цитру и играетъ сочиненный нѣкогда Элеонорою маршъ, по которому она узнаетъ своего несчастнаго жениха ²⁾.

Въ „гисторіи о Васи́лїи Коріотскомъ“ ³⁾, возникшей подѣ сильнымъ воздействиемъ повѣсти о Долторнѣ, герой, встрѣтивъ Ираклію на пути къ киркѣ, такъ же замысловато обнаруживаетъ себя

¹⁾ Русскія повѣсти XVII—XVIII вѣка, стр. 115, 116.

²⁾ А. Н. Пытинъ, Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и т. д. Спб. 1887 г. (Пам. Др. Писъм. LXIV), стр. 57.

³⁾ См. Русскія повѣсти XVII—XVIII вѣка, стр. 109 и сл.; стр. 126. Къ сожалѣнію, тексты здѣсь изданы не всегда достаточно осмотрительно, см. рец. г. Розанова въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ“, 1905 г., кн. 4 и нашу замѣтку тамъ же, 1905 г., кн. 3, гдѣ дано много поправокъ, за что г. Сиповскій, вмѣсто выраженія признательности, въ бранчивомъ отвѣтѣ обрушивается на своихъ рецензентовъ, не возражая ни слова по существу, ib., 1905 г., кн. 4.

передъ возлюбленной, совершенно на новый ладъ, по принятому въ романахъ рецепту; „Василей, взявъ арфу нача жалобную играть и пѣть арію“...—текстъ которой таковъ ¹⁾:

„Ахъ дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
А своего милѣйшаго друга въ свѣтъ жива зрѣти не чаешь.
Вспомяни, драгая, какъ возмогъ тебе отъ мерскихъ ²⁾ разбойническихъ
рукъ свободити,
А сей злый губитель ³⁾ повелѣ во глубину морскую меня утопити!
Ахъ, прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
Меня одинаго въ сей печали во гробъ вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злomu губителю супругою быть желаешь.
Точно сей мой король объявляю
И моею дражайшею воспѣваю:
Аще и во отечестви своемъ у матери ⁴⁾ пребыти,
Прошу вѣрныя моя ⁵⁾ к вамъ услуги не забыти“.

Разсматривая текстъ этой аріи, убѣждаемся, что въ ней—тѣ же приемы, что и въ выше разобранныхъ стихотвореніяхъ любовнаго содержания, тотъ же языкъ и стиль, только размѣръ стиха — совершенно примитивный, далекій какъ отъ народнаго, такъ и отъ искусственнаго силлабическаго.

Герой другого романа той же эпохи — „Исторіи о Александрѣ российскомъ дворянинѣ“, когда на него нападаетъ „незапное уныніе“, играетъ на флейтѣ и этою игрою привлекаетъ вниманіе героини, пасторской дочки Элеоноры. Влюбившись въ нее и сомнѣваясь въ успѣхѣ любовной авантюры, онъ пребываетъ „всю ночь въ великомъ диспорате“. Въ письмѣ къ Элеонорѣ онъ говоритъ о „великой печали“, о „великомъ пламени“ въ его утробѣ, котораго онъ болѣе терпѣть не можетъ; онъ проситъ Элеонору: „буди врачъ болезни моея; ибо неким дохтуромъ отятой быти не можетъ. Аще же съ помощію не ускоришь, страшуся, да не буди мне убитъца“; онъ обѣщаетъ, что его вѣрность „до гроба не оскудѣетъ“ ⁶⁾.

¹⁾ Цитируемъ по названному изданію г. Ситовскаго, внося свои поправки.

²⁾ Въ изд. С.—морскихъ.

³⁾ Въ изд. С.—„А сен злы губители“..., тогда какъ рѣчь идетъ объ одномъ адмиралѣ, на что указываетъ и ед. ч. сказуемаго: повелѣ.

⁴⁾ Въ рук. „аще и пою отечестви своемъ и матери“, принимаемъ поправку издателя.

⁵⁾ Въ изд. С.—„моя“.

⁶⁾ Русскія повѣсти, стр. 131.

Чтобы разомъ убѣдиться, насколько проченъ въ употребленіи этотъ шаблонъ, заглянемъ немного далѣе и найдемъ объясненіе Александра съ Элеонорою; здѣсь онъ снова повторяетъ: „Дивлюся вамъ, государыня моя, что медикаментовъ не употребляешь, а внутренней болезни такъ искусна ісцеляти, якоже свидетельствуюсь, что ни под солнцемъ неимеется такой дохтуръ, никакими мидикаменты возмоглъ бы такую неисцелимую болезнь такъ скоро сокрушить, яко же ты со мною во единъ маментъ часа улучила“... ¹⁾).

Гедвигъ-Доротея пишетъ объясненіе нашему герою; и здѣсь находимъ: „лютѣйши огонь сердце мое палыщей, не даетъ мне скрыть“..., „ісцели мою болезнь посещениемъ“... ²⁾).

Нѣкоторымъ образомъ пародія на Александра, другъ его Владимиръ, желая покорить сердце Маріи-Элизаветъ, пишетъ ей въ письмѣ между прочимъ: „острыя очей взоры такъ *сердцу моему* раны дали, что кроме вас самихъ никто ісцелити невозможно“..., „верность моя никогда переменна не будетъ“... ³⁾).

Въ письмѣ Александра къ Тиррѣ находимъ аналогичныя выраженія и обороты: „Лютые стрелы красота ваша в сердце моемъ вонзила і приятные взоры очей вашихъ во мне ко исканію высокоі драгой любви вашей столко возбудила“... Во второмъ письмѣ къ ней же Александръ проситъ: „Аще жъ раба своего не умилоставиши, прошу первое и последнѣе со мною благодеяніе сотворити: приди і предаі мя сама смерти, что мне в порадование будетъ“... ⁴⁾).

Отъ этихъ общихъ мѣстъ въ любовныхъ письмахъ и объясненіяхъ перейдемъ къ виршамъ и аріямъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, даже въ повѣствованіи, авторъ исторіи стремится перейти къ римованной рѣчи. Когда же влюбленные обмѣниваются рѣчами, выражающими ихъ чувства, авторъ почти во всѣхъ случаяхъ этого рода пользуется формою виршъ, не особенно складной, но обличающей въ немъ во всякомъ случаѣ болѣе опытнаго стихотворца, чѣмъ авторъ гисторіи о Василии Коріотскомъ.

На первое письмо Александра Элеонора отвѣчаетъ такими стихами:

„Надежду вручаю
Прозбы ожидаю.

¹⁾ Ibid., стр. 135.

²⁾ Ibid., стр. 137.

³⁾ Ibid., стр. 147.

⁴⁾ Ibid., стр. 150, въ изд.: „лютнѣ“, исправляемъ по смыслу.